

ТРЕБОВАНИЯ К КАНДИДАТАМ НА МУСУЛЬМАНСКИЕ ДУХОВНЫЕ ДОЛЖНОСТИ В ОКРУГЕ ОРЕНБУРГСКОГО МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО СОБРАНИЯ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

В статье на основе анализа законодательства и правоприменительной практики Российской империи рассматриваются государственные требования к кандидатам на мусульманские духовные должности в округе Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), которые формировались и действовали на протяжении конца XVIII – начала XX века.

Ключевые слова: ислам, мусульманское духовенство, мулла, муэдзин, ОМДС, Российская империя.

С конца XVIII в. Российская империя перешла от политики христианизации к признанию ислама в качестве терпимой религии, к постепенной интеграции мусульманских институтов в свои административную и правовую системы. По указу императрицы Екатерины II от 22 сентября 1788 г. в Уфе было учреждено Магометанское духовное собрание как центральный орган управления мусульманами европейской части России и Сибири (за исключением Крыма и Кавказа). В качестве его главной задачи было определено испытание кандидатов на духовные должности в знании правил и обрядов мусульманской религии с последующим утверждением региональными властями [1, с. 1107, №16710]. Получив избирательный приговор прихожан, губернские или областные правления своими указами предписывали Оренбургскому магометанскому духовному собранию (ОМДС) подвергнуть кандидата испытанию и доложить о результатах. Однако нередко мусульмане сдавали экзамен по собственной инициативе для поступления в будущем на должности муллы, муэдзина, педагога или повышения своего социального статуса. В этом случае претендент подавал прошение о допуске к испытаниям непосредственно в духовное собрание, а также прикладывал свидетельство об уровне подготовки и характеристику от имама, у которого он получил образование.

ОМДС были разработаны специальные программы экзаменов отдельно для различных духовных званий.

От кандидатов на звание муэдзина требовалось: правильное провозглашение азана (призыва к молитве), последующей молитвы

(дуа) о приведении Пророка к высшей ступени Раая и икамата (объявления о начале молитвы в мечети); чтение на арабском языке молитвы «Аманту билляхи», которая суммирует основные принципы ислама (веру во Всевышнего Аллаха, ангелов, Священные Писания, пророков, Судный день и воскрешение мертвых, Божественное предопределение), умение объяснить их смысл на татарском языке; проверка искренности веры; сущность Аллаха, его единство (таухид) и атрибуты (сифат); пророческое призвание Мухаммада с его краткими доказательствами, краткая биография Пророка; знание мусульманского летоисчисления и календаря, названий всех месяцев и времени праздников; правил очищения (тахарат) и молитвы (намаз); определение точного времени начала и окончания пяти ежедневных, пятничной и праздничных молитв; твердое знание правил соблюдения поста (уразы) и последствий их нарушения, времени наступления утренней зари и сумерек; порядок обмывания покойных (гусль) и облачения в саван (такфин), их число для мужчин и женщин, чтение молитвы по умершему (джаназа-намаз), правила выноса тела и погребения; сознательное, толковое чтение книг на тюрки, умение писать без грубых ошибок; чтение аятов Корана, преимущественно из суры «Ясин» [2, л. 88–88 об.].

В программу экзаменов на звание имама и мугаллима входило: чтение «Аманту билляхи» с объяснением смысла; понятие веры (иман); доказательства существования и единства Аллаха со ссылкой на Коран и книги по шариату, а также на основе личных умозаключений испытуемого; вера в ангелов, Священ-

ные Писания, Божьих посланников; пророческое призвание Мухаммада с его краткими доказательствами; краткая биография Пророка с указанием и объяснением некоторых его чудес; различие между четырьмя школами мусульманского права (мазхабами Абу Ханифы, Мухаммада ибн Идриса аш-Шафии, Ахмада ибн Ханбалы и Малика ибн Анаса); перечисление добрых и злых качеств человека; представление логических выводов об обязательности намазов для каждого мусульманина и их ежедневного пятикратного числа; знание условий (шурут), обязательных элементов (фуруд) молитвы и действий во время ее совершения (ваджибат ас-саят), условия недействительности молитвы (муфсидат ас-саят); порядок проведения пятничной (саят аль-джума) и праздничной молитвы (саят аль-ид); цели и значение поста (уразы), очистительной милостыни (закята) и паломничества (хаджа) с объяснением, для кого они обязательны, и как нужно их исполнять; владение арабским языком в такой степени, чтобы кандидат мог объяснить отдельные вопросы его этимологии (сарф) и синтаксиса (наху); правила бракосочетания и развода, их виды, последствия нарушения брачного союза; чтение популярного руководства по мусульманскому праву (фикху) ханафитского мазхаба «Мухтасар аль-викая» Убайдуллы ибн Масхуда Садрашшариа, умение передать смысл прочитанного на татарском языке по вопросам о молитве, религиозных обязанностях, договорах, взаимных обязательствах и проч.; краткое знание правил распределения наследственных долей (фараиза); чтение Корана с соблюдением орфоэпических правил (таджвида) [2, л. 88 об. – 89 об.].

Программа испытаний на звания имам-хатыба и мугаллима предусматривала: точное знание сущности и правоты веры (имана), столпов ислама, чтение молитвы «Аманту билляхи» с подробным объяснением истинности основных принципов религии; знание богословия: о времени и порядке создания Вселенной, о загробных муках, Судном дне, воскрешении мертвых и проч.; перечисление хороших качеств пророков, цель и значение их пришествия; пророческое призвание Мухаммада с подробным изложением его доказательств, пространная биография Пророка с приведением и объяснением некоторых его высказыва-

ний и поступков (хадисов); различие между четырьмя богословско-правовыми школами (мазхабами); знание основных правил мусульманского права (фикха); доказательства обязательности молитвы (намаза), поста (уразы), очистительной милостыни (закята) и паломничества (хаджа), порядок их совершения, условия недействительности; пространное знание правил заключения и расторжения браков, распределения наследственных долей (фараиза); перевод с арабского на татарский язык текста «Мухтасар аль-викая» из разделов о браке, разводе, купле-продаже, свидетельстве, жертвоприношении и проч., книги хадисов «Мишкат аль-масабих» Валиятдина аль-Хатиба ат-Табризи; чтение аятов Корана с соблюдением орфоэпических правил (таджвида) [2, л. 89 об. – 90].

Наконец, применительно к кандидатам на звания имам-хатыба и мударриса было установлено, что они должны обладать еще более глубокими познаниями в исламских науках и арабском языке. Для перевода на экзаменах им предлагались книги повышенной сложности, например, наиболее авторитетный сборник хадисов «аль-Джами ас-сахих» Мухаммада аль-Бухари, сборник богословско-правовых заключений (фетв) «аль-Хидая» Бурханатдина Али аль-Маргинани и др. Испытание завершалось «образцово правильным чтением» аятов Корана [2, л. 90 об.].

Если экзамен проводился по запросу губернского или областного правления, духовное собрание своим рапортом сообщало региональному органу о его результатах. Самим кандидатам оно выдавало свидетельства на духовные звания. В зависимости от уровня знаний их наименования могли несколько отличаться от предусмотренных программой. В порядке возрастания они располагались следующим образом: муэдзин и мугаллим-сабиан (учитель начальной школы), муэдзин и мугаллим (учитель средней школы); муэдзин, могущий исправлять должность имама в небытность такового, и мугаллим-сабиан; муэдзин, могущий исправлять должность имама в небытность такового, и мугаллим; имам и мугаллим, имам-хатыб и мугаллим, имам-хатыб и мударрис (заведующий средней школой – медресе). Губернские и областные правления утверждали в должности азанчя лиц, имевших свидетельства на любые из ука-

занных званий, в должности 2-го (младшего) муллы – не ниже имама и мугаллима, а в должности 1-го (старшего) муллы – не ниже имам-хатыба и мугаллима.

Неудовлетворительные результаты испытаний препятствовали занятию соответствующей должности. Так, 10 сентября 1867 г. жители д. Караевой Бурзянской волости Оренбургского уезда и губернии избрали своим муллой башкира Гибетуллу Ахметева, «благонадежного и знающего магометанскую религию». Но ОМДС, куда он был послан для сдачи экзамена, отношением от 26 января 1868 г. №224 доложило губернским властям, что кандидат «по испытанию в присутствии Собрания оказался недостаточно способным на выбранную должность по малоучености, с правом чрез год, по желанию своему, выдержать испытание снова». В результате Оренбургское губернское правление (ОГП) журналом на 22 февраля 1868 г. №448 отказалось утвердить его на избранный пост [3, л. 550–551].

Муллы и муэдзины должны были служить духовными наставниками, примером и образцом для своих прихожан в исполнении религиозных предписаний и запретов. Поэтому указом от 22 сентября 1788 г. губернским властям было предписано следить за тем, чтобы «к исправлению духовных должностей магометанского закона употребляемы были люди в верности надежные и доброго поведения» [1]. Обычно высокие нравственные качества кандидата подтверждали сами члены общины в избирательном приговоре. При его проверке полицейские органы дополнительно опрашивали прихожан и должностных лиц общественного самоуправления, а затем представляли собранные сведения в губернскую администрацию. Использовались типовые формулировки о том, что имярек «поведения хорошего, под судом и следствием не состоял и ныне не состоит», «нравственности хорошей, под судом и в штрафах не был», «поведения хорошего, человеколюбивый и добронравственный» [4, л. 457–458; 5, л. 28, 30–30 об.] и др.

В редких случаях полиция выясняла, что кандидат по своим моральным качествам не соответствует духовному званию. Так, 2 декабря 1892 г. жители д. 1-й Имангуловой Оренбургского уезда и губернии избрали своим муллой башкира Шарафутдина Туганова. Од-

нако по собранным полицией сведениям, отзывам волостного старшины и его бывшего учителя он оказался поведения «неодобрительного», «предосудительного». Поэтому журнальным постановлением ОГП от 2 июля 1893 г. №622 ходатайство об утверждении его в должности было оставлено без последствий, о чем и объявлено прихожанам [6, л. 324–324 об.].

Безусловным основанием для отказа в утверждении было наличие у кандидата судимости. Так, в 1905 г. жители д. Рыскуловой Орского уезда Оренбургской губернии попытались провести на должность муэдзина избранного ими башкира Шагимардана Султанова. Однако, по сведениям полиции, в 1890 г. кандидат был приговорен мировым судьей 1-го участка Орского уезда к 5 месяцам тюремного заключения за кражу лошади. Поэтому губернское правление своим журналом от 14 августа 1907 г. №347 отклонило выбор прихожан [7, л. 494].

Иногда противники специально пытались опорочить кандидата в глазах администрации, поставить под сомнение его нравственный облик. Так, при рапорте от 28 октября 1905 г. №6719 Оренбургское уездное полицейское управление представило на рассмотрение губернских властей приговор прихожан 2-й соборной мечети д. Яфаровой, которые ходатайствовали об утверждении в должности муллы башкира Губайдуллы Рахманкулова. По сведениям, собранным полицией, среди местных жителей он пользовался хорошей репутацией. Но вслед за этим крестьяне Мухаметрахим Абдрешитов и Гафур Салихов подали в ОМДС и губернское правление целый ряд жалоб, где утверждалось, что Рахманкулов постоянно пьянствует, курит табак и «во время моления ругается площадными словами». Вследствие этого они просили не выдавать кандидату указ как недостойному звания имама. В ходе повторной проверки большинство прихожан подтвердили высокие нравственные качества и безупречное поведение своего избранника. Поскольку в Оренбургское губернское правление не поступал общественный приговор, порочащий кандидата, все обвинения были признаны голословными. В итоге журналом от 3 мая 1907 г. №199 Г. Рахманкулов был утвержден ко 2-й Яфаровской соборной мечети в званиях имама и мугаллима [7, л. 286–287].

Наряду с моральным обликом, не менее важным было требование благонадежности кандидатов на духовный пост, лояльности к существующим властям, их распоряжениям и мероприятиям. Так, например, в сентябре 1884 г. за сопротивление полицейскому уряднику были удалены от духовных должностей мулла д. Вешняковой Челябинского уезда Оренбургской губернии Гатаулла Абдуллатипов и ее муэдзин Мухаметшариф Абдулжалиев, а решением Оренбургской палаты уголовного и гражданского суда 31 июня 1885 г. оба они приговорены к 1 году 4 месяцам тюремного заключения. Когда 31 августа 1888 г. прихожане своим приговором ходатайствовали об их восстановлении на службе, губернское правление журналом на 8 июня 1889 г. №404 отклонило просьбу, указав, что эти лица, «как состоявшие под судом за сопротивление властям, не могут быть признаваемы людьми благонадежными» [8, л. 341–342].

В начале XX в. развитие культурно-просветительского движения исламского обновления (джадидизма), подъем национального самосознания, рост социальной и политической активности российских мусульман, их включение в законные и нелегальные формы борьбы за свои права и интересы заставили самодержавную монархию более тщательно подходить к проверке политической благонадежности исламского духовенства. Циркуляром МВД от 14 сентября 1906 г. было подтверждено положение «о несовместимости государственной службы с принадлежностью к политическим организациям противозаконного направления». В разосланном на места предложении от 16 декабря 1906 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин разъяснил, что данное требование распространяется и на служителей ислама, которые в случае выявления подобных фактов как должностные лица подлежат увольнению [9, с. 80–81]. В 1911 г. МВД обратило внимание региональных органов на необходимость в каждом конкретном случае удостовериться, что кандидаты на духовные должности не причастны к мусульманскому общественно-политическому движению. Циркуляром министра внутренних дел от 12 декабря 1912 г. №11199 губернаторам было предписано не утверждать в мусульманских духовных должностях ино-

странных граждан, а равно и русских подданных, получивших богословское образование за границей, преимущественно в Египте и Турции, которая считалась источником «национально-религиозного сепаратизма» среди российских мусульман. Сомнения в лояльности вызывали также выпускники некоторых российских медресе, которые стали крупнейшими центрами реформирования мусульманского образования, подготовки национальной духовной и светской интеллигенции: «Мухаммадия» в Казани, «Хусаиния» в Оренбурге и «Галия» в Уфе. В циркуляре подчеркивалось, что «окончившие курс в такого рода школах (с нежелательным общим направлением преподавания) могут быть утверждаемы» в духовных должностях «только при наличии необходимых данных о политической благонадежности» [10].

По шариату, руководителем общественной молитвы (имамом) может быть мужчина, достигший половой зрелости (15 лет) [11, с. 220]. Провозглашать азан (призыв к молитве) позволено и несовершеннолетнему мальчику, если он уже способен отличать добро от зла, ошибочное от правильного [12, с. 66]. На основании представления министра внутренних дел высочайше утвержденным 14 февраля 1855 г. мнением Государственного совета была установлена более высокая возрастная планка: для хатыбов и имамов – не моложе 22 лет и для муэдзинов – не менее 21 года [13, с. 158, №29040]. С этого времени полицейские органы стали проверять достижение кандидатом установленного возраста по ревизским сказкам, по семейным спискам и метрическим свидетельствам о рождении [9, с. 75]. Например, 20 мая 1874 г. прихожане Юмагузинской мечети Бушман-Суун-Каракипчакской волости Оренбургского уезда и губернии избрали своим муллой башкира Фахретдина Рахимгулова, указав в приговоре, что он достиг возраста 23 лет. Однако по документам 10-й ревизии населения полиция установила, что в действительности ему исполнился только 21 год, причем в текущем году он подлежал военному призыву. Поэтому журнальным постановлением ОГП от 3 сентября 1874 г. №3334 жителям д. Юмагузиной было отказано в ходатайстве об утверждении его имамом [14, л. 396–397].

В Российской империи муллы как должностные лица, ответственные за регистрацию актов гражданского состояния, были обязаны вести переписку, предоставлять сведения по запросам органов полиции, воинского призыва, статистики и др. При поголовной грамотности на родном языке подавляющее большинство из них не умело читать и писать по-русски. Это создавало дополнительную нагрузку на государственный аппарат за счет привлечения переводчиков, тормозило движение документооборота. Первыми данную проблему попытались самостоятельно решить региональные власти, которые непосредственно сталкивались с этими сложностями в своей практической работе. 27 ноября 1827 г. оренбургский генерал-губернатор П.К. Эссен издал распоряжение об обязательном знании русского языка кандидатами на мусульманские духовные должности, которое вступило в силу с 1832 г. Однако уже 25 ноября 1833 г. из-за многочисленных протестов татарского и башкирского населения министр внутренних дел Д.Д. Блудов предписал генерал-губернатору В.А. Перовскому восстановить прежний порядок утверждения мусульманского духовенства, что и было исполнено [15, с. 152–153]. Только в конце XIX в. в рамках общего курса на интеграцию исламских институтов в административную систему Российской империи для мусульманских духовных лиц округа ОмДС был установлен образовательный ценз на знание государственного русского языка.

Согласно указу от 11 октября 1890 г., вступившему в силу с 1 января 1891 г., кандидаты на должности членов ОмДС должны были сдать экзамен по русскому языку в объеме курса городских училищ, на должности высшего приходского духовенства в городах (ахунов, хатыбов, имамов) и мулл военного ведомства – в объеме курса одноклассного начального народного училища, а от кандидатов на должности сельских имамов и мулл при Оренбургском казачьем войске (ОКВ) требовалось предоставление свидетельства о знании русской разговорной речи и умении читать. Без предварительных испытаний в знании русского языка на все духовные должности определялись лица, окончившие курс в одном из правительственных высших, средних или низших учебных заведений (уездном училище, городском

училище, двухклассном сельском начальном народном училище), либо прошедшие курс первых четырех классов средних учебных заведений [16, с. 17–18]. Циркуляром от 30 января 1891 г. было разъяснено, что образовательный ценз не распространяется на мусульман, пожелавших стать муэдзинами [9, с. 77].

30 декабря 1890 г. Министерством народного просвещения были изданы правила, которые подробно регламентировали порядок проведения испытаний и выдачи свидетельств о знании русского языка [16, с. 18–20]. Для приема экзаменов в каждом уездном и губернском городе по мере необходимости формировалась комиссия при городском училище, имевшем не менее трех классов, в составе начальника учебного заведения и двух преподавателей светских предметов, куда обязательно входил учитель русского языка. Если в городе имелось несколько подобных заведений, то директор народных училищ или другое должностное лицо выбирали одно из них по своему усмотрению, а если их не было вовсе, комиссия создавалась при одном из следующих образовательных учреждений в порядке убывания приоритета: уездном училище, учительской семинарии, учительском институте, классической прогимназии, гимназии, реальном училище.

К испытаниям допускались лица не моложе 21 года. Они подавали на имя начальника соответствующего учебного заведения прошение, собственноручно написанное ими на русском языке. К нему прилагались: 1) удостоверение полиции о личности, возрасте, звании или состоянии просителя; 2) две фотографии, одна из которых оставалась в деле училища, а вторая прикреплялась к свидетельству о знании русского языка; 3) а также при наличии свидетельство об образовании. За кандидатов на должности сельских имамов и мулл при Оренбургском казачьем войске прошения могли быть написаны по их доверенности другими лицами.

В ходе письменного испытания претенденты на должности городских мулл должны были: 1) написать под диктовку какой-либо прозаический отрывок и 2) изложить письменно содержание такого же отрывка повествовательного или описательного характера. В случае успешной сдачи письменного экзамена они допускались к устному испытанию,

которое включало: 1) правильное и осмысленное чтение отрывка из повествовательной или описательной статьи и 2) пересказ в последовательном порядке другой прочитанной статьи без помощи наводящих вопросов.

От кандидатов на должности сельских мулл требовалось: 1) правильное осмысленное чтение по доступной их понятию незнакомой книге и передача содержания прочитанного своими словами, по крайней мере, при помощи наводящих вопросов и 2) чтение четкого рукописного текста. Для проверки навыков русской разговорной речи члены комиссии выбирали способы индивидуально с учетом происхождения, уровня образования, рода занятий и других особенностей испытуемых.

По каждому виду экзаменов, включая устное собеседование, выставлялась оценка по пятибалльной системе. Лицам, получившим все отметки не ниже 3 баллов (удовлетворительно), выдавалось свидетельство о знании русского языка установленного образца, которое подписывалось председателем и членами комиссии с приложением печати образовательного учреждения.

Избирательный приговор прихожан с характеристикой морального облика кандида-

та, собранные полицией сведения об его поведении и политической благонадежности, свидетельства о сдаче им экзаменов на знание ислама и государственного русского языка направлялись в губернское или областное правление, которое и принимало окончательное решение об утверждении его в должности с присвоением духовных званий.

Таким образом, с конца XVIII в. в рамках государственного курса на интеграцию исламских институтов в административную и правовую системы Российской империи на законодательном уровне были постепенно сформулированы требования к кандидатам на мусульманские духовные должности. Они должны были: сдать экзамен на духовные звания; обладать высокими нравственными качествами и политической благонадежностью; достичь установленного законом возраста (с 1855 г.); подтвердить знание русского языка (с 1891 г.). Требования к наличию определенного жизненного опыта, глубокому знанию ислама и государственного языка, высоким моральным качествам и законопослушности кандидатов на мусульманские духовные должности сохраняют свою актуальность и в современных условиях.

16.04.2012

Список литературы:

1. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1-е. – Т. 22. – Спб.: Типография 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – 1168 с.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 626.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 3. Д. 4075.
4. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4130.
5. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-295. Оп. 4. Д. 489.
6. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4209.
7. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4236.
8. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4194.
9. Кобзев, А.В. Исламская община Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Нижний Новгород: Медина, 2007. – 446 с.
10. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 466.
11. Тахмаз, А. Ханафитский фикх в новом обличье. Том 1. – Нижний Новгород: Медина, 2007. – 512 с.
12. Введение в ислам (Мухтасар ильми-халь). – СПб.: ДИЛЯ, 2005. – 192 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2-е. – Т. 30. – Отд. 1-е. – Спб.: Типография 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1856. – 778 с.
14. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4131.
15. Азаматов, Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. – 194 с.
16. Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о Магометанских учебных заведениях. – Казань: Типо-литография Имп. Ун-та, 1902. – 53 с.

Сведения об авторе:

Денисов Денис Николаевич, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 3417, тел. (3532) 372564, e-mail: dingez56@mail.ru